

САША ХЕЛЛМЕЙСТЕР

**МИСТЕР БУГИ,
или ХЭЛЛО,
ДОРОГАЯ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х36

Иллюстрация на переплете и внутренние иллюстрации — *Nicta*
Иллюстрации в блоке текста *Евгении Лукомской*

Хеллмейстер, Саша.

Х36 Мистер Буги, или Хэлло, дорогая / Саша Хеллмейстер. — Москва : Эксмо, 2025. — 400 с. — (Коллекция странных дел).

ISBN 978-5-04-221390-8

В штате Нью-Джерси ходят леденящие душу легенды о Мистере Буги — маньяке, который на протяжении шестнадцати лет совершает массовые убийства в канун Хеллоуина.

За неделю до праздника двадцатилетняя Конни Мун решает организовать вечеринку для друзей в доме покойной бабушки. Чтобы получить дубликат ключа, она связывается с двоюродным дядей — Хэлом Оуэном... не подозревая, что именно он держит в страхе побережье.

Узнав о планах племянницы, Хэл решает нанести ей визит в разгар вечеринки. Однако впервые за много лет он чувствует, что убить девушку будет не так-то просто...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221390-8

© Хеллмейстер С., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Плейлист

- 00 | Suicide Squad — SLEEPING FOREST (Instrumental prod. by Leon)
- 01 | Woodkid — So Handsome Hello
- 02 | GXNRC — Hard Drive
- 03 | Train to Mars — Daddy Issues
- 04 | Bad Omens — The Death of Peace of Mind
- 05 | HIM — Join Me in Death
- 06 | Venax — After Dark Slowed
- 07 | Alt-J — Bloodflood Pt. II
- 08 | Carlos Nebot — All the good girls go to hell
- 09 | Eminem — When I'm Gone
- 10 | NLXTN — I Wanna Feel You
- 11 | Sundazer — Closer
- 12 | The Ring Soundtrack — Main Theme
- 13 | Dark Tranquility — Auctioned
- 14 | Isabel Larosa — Haunted
- 15 | Gym Class Heroes — Cupid's Chokehold
- 16 | Lacuna Coil — My Demons
- 17 | Les Friction — String Theory
- 18 | Les Friction — Here Comes the Reign
- 19 | SVDIST — Feeling (Extended)
- 20 | Les Friction — Your Voice
- 21 | Within Tepmtation — Say My Name

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Хэлло, дорогие!

Рада обратиться к вам со страниц книги и хочу предупредить читателей, которые могли посчитать, что это легкое дарк-романтическое чтение. Книга написана в жанрах психологического триллера с элементами эротики, слэшера и психологических ужасов, а потому повествование содержит ряд тем и мотивов, которые могут показаться некоторым читателям чрезмерно жестокими, морально тяжелыми и кровавыми. Напоминаю, что абсолютно все криминальные моменты, сцены, эпизоды и поступки героев и злодеев в книге ни в коем разе не одобряются и не подвергаются романтизации, поощрению и одобрению.

Немного пройдемся по триггерам:

- сексуальное насилие над женщинами;
- не кровный инцест (сводные дядя и племянница);
- моральное издевательство над героями;
- плен и нежелательная беременность от насильника;
- жестокие убийства с пытками (вырывание ногтей, зубов, физические истязания с применением посторонних предметов, удушье);
- секс с использованием посторонних предметов, который привел к летальному исходу жертв;
- возбуждение от убийства (не забываем, что речь идет о серийном убийце);

- сексуальные пытки;
- употребление алкоголя;
- пренебрежительные и уничижающие высказывания из уст злодея в адрес групп людей, различающихся по половым, социальным, расовым признакам и не соответствующих его искаженному представлению об «идеале»;
- секс с принуждением;
- многочисленные и подробные описания смертей.

И не забывайте: каким обворожительным ни показался бы вам злодей этой книги, помните слова, сказанные им самим о себе, — он монстр, неспособный к исправлению и прощению, и таких людей, как он, необходимо избегать.

С уважением,
Саша Хеллмейстер

ПРОЛОГ

Интересно, успею я все рассказать? Надеюсь, да. Потому что у меня немного времени.

Меня зовут Хэл Оуэн. Мне тридцать четыре года. Я живу в Нью-Джерси, округе Кэмден, в маленьком городе Мыс Мэй. Нью-Джерси всегда был в тени огромного Нью-Йорка: в Нью-Йорке я появляюсь только по работе. Я работаю междугородним курьером и иногда езжу в Нью-Йорк на электричке, потому что там мой головной офис. Я зарабатываю очень неплохо и мало трачу. Еще у меня осталось кое-какое наследство от матери. Это приличная сумма. Матушка всегда учила меня бережливости. Она говорила: «Забиться о центах, а доллары позаботятся о себе сами». Она говорила еще, что человеку страшно остаться без денег и что все беды — тоже от них. Я так не думаю.

Все беды от разнузданности. Оттого, что люди перестали быть достойными. Оттого, что нас трудно посчитать цивилизованными. Жак Фреско — жалко, он уже умер — однажды сказал, что человечество еще совсем не цивилизованное. Что мы только идем к этому. Согласен ли я? Да. Но мне кажется, что не *к*, а *от*. Вот как мы стагнируем.

Женщин больше не назовешь «леди». Побойтесь бога, они все сильные и независимые! Я однажды открыл перед девушкой дверь, а она ударила меня по пальцам — мне было не больно, но как-то мерзко. Но я их понимаю. Они не виноваты. Всему виной

мужчины... Мужчины больше не ведут себя как джентльмены, в том все и дело. Оттого и они осучились.

Вся эта новая философия — сильные женщины, немужественные мужчины. Все это — и громкие слова, что ты можешь все, и все тебе дозволено, и всего добьешься, стоит только захотеть, — дерьмо собачье, которое показывают в рекламе прокладок по центральному телевидению. Тех, кто говорит такое, нужно казнить, как в Древнем Китае, бамбуком. Знаете, как это делали? Сначала затачивали ростки молодого бамбука, чтобы из них получились копья. Затем подвешивали казнимого над ними горизонтально, спиной или животом — ну это неважно. Бамбук быстро рос вверх и прорастал сквозь человека, в брюхе его, значит. Вот всех этих говнюков, которые делают из людей моральных уродов, тоже хочется туда. Говорят, так пытали пленных японцы во Вторую мировую. Что ж, не зря мы по ним шарахнули «Малышом».

Молодых людей этим смущают, им нагло лгут. Пудрят мозги. Мне тридцать четыре, и я знаю, что один хороший электрик стоит двадцати политиков и что любая женщина прекрасна, когда ждет ребенка. Это святая истина. Потому что вы все в курсе, что такое добро и зло, что такое хорошо и плохо, если, конечно, у вас были хорошие родители и учителя, в общем, те, кто это мог пояснить. А если нет, что ж. Не завидую, если однажды наши пути пересекутся.

Я знаю, что не терплю цветных, особенно черных, хоть и не всех. Среди них бывают исключения. И не потому, что я расист: просто большинство из них — наглецы и говнюки и у них отсутствуют какие-либо манеры и принципы. Они плодятся как кролики, трахают своих и наших женщин, а потом бросают их с детьми одних барахтаться в этой клоаке. Они сколачиваются в банды и устраивают разборки в любом месте и в любой час. Они насилюют, убивают, спиваются, обвиняют полицию в расовой ненависти и потом громят магазины других цветных. Если была бы в мире кнопка, уничтожающая всех таких ублюдков, — я б ее нажал не задумываясь. Да. Я голосовал за правых, кстати, на последних выборах, но победили все равно леваки.

Раньше я работал на Ю-Пи-Эс, но в конце концов ушел оттуда. Мне не понравились поправки в выплате соцпакета. Три года я работаю на «ФедЭкс» и ношу их форму с фиолетовым логотипом. Комбинезон в последнее время мне жмет в груди. Я стал

уделять своей форме больше внимания. Много бегаю, занимаюсь спортом, прошлой весной был на соревнованиях штата по триатлону и занял второе место. В местной газете даже напечатали мою фотокарточку. Серебро — это хорошо, но хотелось бы, конечно, победить.

Я не ем все это фастфудовское дерьмо из «Бургер Кинг», «Чикерс», «Шейк Шэк» и «Вотэбургер». Мое тело — мой храм. Все дела.

Я стригусь только в парикмахерской у Клары Бург, сколько себя помню. Ей пятьдесят два. Она делает лучшую стрижку. Она точно знает, что мне нужно. Я просто сажусь к ней в кресло, она накрывает мне плечи специальным воротником, говорит: *«Какой ты большой стал, Хэл, еще больше прежнего»*, — и начинает очень аккуратно мыть мою голову. Каждый раз после ее мягких рук с меня словно груз спадает. Так хорошо становится, как после исповедальни. Даже лучше. Потом она берет машинку и очень коротко меня стрижет. Это называется «бокс». Я стараюсь не запускать волосы и не отращивать их. Мне не идут длинные. Я всегда стригусь только так: бокс или полубокс. Зимой и осенью — второе, потому что все равно чаще ношу бейсболки.

У меня дом на Холлоу-драйв. В нем два этажа и подвал. Чердак технический. Есть небольшой дворик. Лужайка, клумба, почтовый ящик — все как у всех. Недавно я поменял окна на отличные, звукоизоляционные. Они блокируют любой шум изнутри и снаружи. В гостиной они пластиковые. Захочешь разбить... ну удачи тебе. Я и новые двери поставил, тоже с шумоизоляцией. В подвале дверь такая же, как входная. У нее широкий профиль и внушительный набор замков. Я всегда держу ее закрытой.

Езжу я на старом коричневом «Плимуте Барракуда». Ну и что? Подумаешь. Денег хватает, чтобы я просто так пришел в дилерский центр и выбрал любую тачку среднего класса. Неплохую какую-нибудь. Но я не хочу. Мой «Плимут» бегают очень бодро, я каждый сезон езжу в автомастерскую. Хотя я уже говорил, у меня есть накопления. С этим порядок.

Однажды какой-то урод черножопый битой снес у «Плимута» боковое зеркало. Ему просто так вздумалось. Он не знал, куда девать эту дурь у себя из башки. Выбежал от подружки и — бам! — просто выместил злость на «Плимуте». Он потом пожалел об этом. К слову, я хорошенько застраховал дом и машину, в наше время без этого никуда.

И тут меня перебили. Это значит, мое время кончилось.

— Пожалуйста, — сказала она очень сипло, — пожалуйста...

Я немного задумался и не выпустил ее горла из ладони, когда стоило бы. Она вся выгнулась мне навстречу, выпучила глаза. Ее красота куда-то мигом делась: из-за глаз она стала похожа на рыбу без воды; открытый рот, которым она хватала воздух, добавлял сходства. У нее из промежности тоже пахло рыбой. Она вся была скользко-красивой, блестящей, перламутровой. Манящей, но нечистоплотной.

— Ты меня удушишь... — снова сипнула она, схватившись за мое запястье всеми десятью пальцами.

И я ее отпустил.

Она сделала хриплый вдох и села, держась за шею так, словно защищала ее. От меня защищала. Я пристально посмотрел на нее.

— Сволочь, — сказала она с ненавистью, смаргивая слезы. Длинные накрашенные ресницы осыпались черными мушками на смуглое лицо, щеки были в туши, а губы — в красной помаде, как в крови. Я вытер ее с собственных губ запястьем и поморщился. От ее языка на моем остался вкус клубники, а еще — не свежего дыхания. Этот запах, он шел откуда-то изнутри. Из нее. И я подумал: ну надо же. Эта сука воняет, будто уже сгнила.

Я молча встал с дивана и прошел в угол комнаты. Я трахал Клэр — ну она сказала, что ее так зовут, не вижу смысла в этом сомневаться — в собственной гостиной. Она безо всяких проблем поехала ко мне домой. Она не проститутка, в общем понимании, конечно. Просто женщина в поисках свободных отношений. И приключений на свою задницу. Мы познакомились с ней в «Тиндере», она написала, что хочет развлечься. Она была не местная, а из Ламбертвилла. Я оставил свои фотографии, две: одна портретная, по плечи, другая — с заливом Делавэра, на мысе Кейп-Мей. На ней был красивый красный закат. В этом закате моя белая короткая стрижка казалась затканной в розовый. Странно и смешно: я подумал, это развеселит девушек, и не ошибся. Она написала мне: привет, клубничный красавчик. Я сразу понял, что она любит *таких*. Что она не леди, мать вашу. Что она, в общем, мой клиент. Я предложил ей встретиться. Она сразу согласилась. Она попросила мое фото — я сделал и отправил. На снимке я был в белой рубашке, на две пуговицы расстегнутой на груди. Я так часто ношу: не люблю воротники, они меня

душат. У меня открытая улыбка, я в курсе этого, потому что так часто говорили все, кто меня знает (плохо знает): со школы еще. А вот на днях, кстати, сняли на рекламу штата для ФедЭкс. Там просили сделать пару фотографий сотрудников. Они сочли меня достаточно фотогеничным, чтобы поместить на листовки с акцией компании. Потом эти листовки они рассовали по коробкам, и когда мы доставляли их в офисы или дома, выходило, что всюду была теперь моя физиономия. Я там в форменном комбинезоне с фиолетовой нашивкой, в бейсболке, в рабочих перчатках. Улыбаюсь и показываю большой палец, типа, *с вашей посылкой все в порядке*.

Поэтому она легко согласилась со мной встретиться. Я заехал за ней на машине. Конечно, она немного скривилась, когда увидела мой «Плимут». Это был второй звоночек для меня, похоронный колокол — для нее. Пошлая, вульгарная, алчная сука. Я сидел за рулем и шурился, пока разглядывал ее. Она была в коротких джинсовых шортах и открытой блузе. Кажется, ничего особенного — все так ходят, осень выдалась слишком жаркой. Хотя в прогнозе погоды говорили, это последний день «индейского лета». С завтрашнего сразу сильно похолодает. Предпосылки есть: нынче к вечеру поднялся сильный ветер с залива. Там же Атлантический океан.

Мы съездили с ней в кафе в ее городишке. Потом, после, когда я заплатил за обед, долго целовались прямо в машине. Я был джентльмен, ну вы знаете: ухаживал за ней, слушал все, что она там молола. У нее были красивые темные волосы, но — увы — смуглые женщины мне не нравятся. Я и сам загорелый, даже очень. Не сразу люди соображают, что я белый парень.

Она уже в машине хотела сделать мне... ну вы понимаете. *Приятное ртом*. Но не уверен, что от нее это было бы таким уж приятным. Единственный раз, когда мне было хорошо, — с Хейли. Она была идеальна во всех отношениях. Почти абсолютно во всех.

Не то что это шлюха Клэр. Я мягко улыбнулся ей тогда, взял за плечи и сказал: «Милочка, давай лучше прокатимся до залива». Ехать час, а у меня там дом. В доме все удобнее, есть кровать и всякое такое. Она сказала мне, что хочет сейчас, и у нее в глазах мелькнуло что-то жадное. Я понял: она не знала, ехать со мной или нет. Стоит ли того потраченное время. Я поднял ее на руки, вжал спиной в руль, и она ощутила, что я возбужден. Клэр

откинула голову. Обняла меня за шею и положила ладонь на затылок. Это было *слишком*: слишком лично, слишком интимно. Так было делать нельзя, но она не знала, конечно, и я взял ее за руку и просто убрал себе на плечо. Я знал: сейчас опасно начинать, опасно, потому что она может встать и уйти, получив свое. Я ссадил ее с рук и, нежно поцеловав, сказал, что хочу еще и хочу больше, но не так.

Она еще посмеялась: романтик, значит. Я скромно опустил глаза. Вообще-то да. Если дело касается женщины, которую я люблю, весь мир вокруг нее я буду подстраивать так, чтобы она жила в нем легко и счастливо. Ну да, я отдаю себе отчет, кто такой, кем работаю. Я не богач, не изобретатель, не филантроп, не крутой парень. Просто Хэл Оуэн из округа Кэмден.

Итак, мы с Клэр привели себя в порядок, сели на свои места и поехали на залив. Она вся разругалась. Я старался сохранять спокойствие. Это получалось хорошо. Я ее даже не хотел. Не было никаких причуд от незаконченного секса. Мы доехали за час, погуляли по пляжу. Я был с ней ласков и обходителен и снял рубашку, чтобы накрыть ее плечи от ветра. Она очень внимательно посмотрела на мое тело: на торс, обтянутый футболкой, на руки. Она не знала простой истины. Сильный мужчина хорош, только когда он на твоей стороне. Иначе — подумай, хватит ли у тебя сил завалить меня нахрен, чтобы в случае чего сбежать.

После залива мы поехали ко мне домой. Уже вечерело, но было такое прекрасное время, когда все только через час возвращались с работы, и улицы оставались пусты. Она хотела побродить по моему двору. Я не стал рисковать. Просто взял ее на руки у машины — она еще взвизгнула, — и отнес прямо в дом. Там, в коридоре, мы начали снова целоваться. И вот так мы оказались здесь.

Пока она всхлипывала и ощупывала свое горло, я подошел к углу, взял железную кочергу — камином я не пользовался вечно, но кочерга осталась — и пошел к Клэр обратно, опустив руку вдоль бедра. Она не сразу заметила, что я держу при себе. А потом мне стало все равно.

Она завизжала, закричала и упала на локоть, закрываясь руками. Я занес кочергу и с силой опустил ее на колени Клэр — несколько раз. От боли она рыдающе завопила, и впервые что-то во мне на самом деле поднялось. Я вскинул подбородок и схватил

ее рукой за горло, как прежде. Клэр вцепилась ногтями мне в эту руку, но я отвел ее от себя и сломал запястье.

Хрусть, хрусть — как сладкий хворост.

Боже, как она орала. Меня мурашками пробрало, пока не начала сипеть. Я за горло нес ее до двери в подвал и держал на вытянутой руке, пока не открыл замки. Затем спустился с ней по лестнице. Она качалась в моей руке, как дохлая рыба, и была уже вся синяя. Прекрасно.

В подвале у меня все было по полочкам. Все — очень аккуратно. Но если кто чужой посмотрит, подумает: ну обычный подвал, чего в нем такого? Я специально устроил все неприглядно. Ни в жизнь не скажешь, что здесь я убивал людей.

На столярный стол, весь в стружках, я кинул Клэр. Она ударилась о доски спиной и застонала, хныча от боли. Баюкая, прижала свою сломанную руку к груди. Я с отвращением посмотрел на нее. На темные волосы, разметавшиеся по плечам, на такой же точно треугольник внизу живота. На дрожащие пальцы с длинными алыми ногтями.

— Боже мой, — сказал я вслух, — вот это безвкусица.

Я притянул ее к себе за лодыжки, не слушая, что она кричит, как плачет и отбивается. Пусть. Мне так даже лучше. Она что-то сказала про ребенка. Я спросил: у тебя есть ребенок? Она ответила: да. Девочка, четыре года. Я покачал головой. Я не поверил ей. Но даже если дочка есть, ей лучше не смотреть на такую мать. Спросил, почему она скрыла это в анкете. Тогда Клэр зло заорала, что с женщинами с детьми знакомятся куда реже.

Тогда я снял ремень из петель джинсов и накинул ей поперек шеи. Пряжка вонзилась в гортань; Клэр начала биться и синеть, дрыгала коленями, махала руками, как припадочная, и даже полоснула ногтями мне по плечу. Я в бешенстве убрал ремень и врезал ей в челюсть кулаком. Что-то хрупнуло. Она выплюнула густую слюну с кровью, и там было что-то белое. Два зуба. Она заплакала было, но это уже поздно — я просто схватил ее за руки, сломал второе запястье (оно тоже хрустнуло, как хворост из упаковки) и поискал на полках плоскогубцы.

Сказал ей, что она виновата сама, и ухватил ноготь на правой руке, на указательном пальце. Пришлось здорово попотеть. Сначала щипцы откололи кусок ногтя, потому что он был акриловый, плотный: со второго раза удалось поддеть его весь и сорвать

с пальца. Она выла, как сука, и молила остановиться. Я сказал: как только, так сразу, и взялся за другой ноготь.

И так еще девять раз.

Когда у нее нечем было больше меня расцарапать, я в нее вошел. Член стоял колом; мне нужно было погрузить его куда-то, в любую узкую глубину. Я представлял, как Клэр хрипнет и задыхается, и от этого голова тяжелела. Тогда взял ремень и сунул его ей в зубы, чтобы она не стонала так громко. Входил и выходил, погружался и вынимал. Я имел ее, словно ножом резал. И вот это было прекрасно. Ее глаза стали багровыми. Ее лицо обрело кроткое выражение. Она не двигалась подо мной и не трогала: раскинулась на столе и смотрела в потолок, постанывая.

Как и всегда, я кончил единственным возможным образом. Положил руку ей на горло.

— Тебе есть что сказать? — спросил я напоследок.

— Ты сгоришь в аду, Гейб, — бросила она. На губах где-то была кровь, а где-то — ее эта пошлая клубничная помада.

Я равнодушно пожал плечами. Встал ей на ноги коленом. Чтоб не брыкалась.

— Забавно, — сказал напоследок, прежде чем сломать ей шею и со стоном долго кончить внутрь. — Но меня как раз зовут Хэл.